

ВЫСОКОЕ МАСТЕРСТВО

Александр Николаевич Островский был влюблен в актера Малого театра. В одной из статей он писал: «Ведь мы к сценическому искусству едва ли не самый способнейший в мире народ. Ведь школы, из которых выходят Мартыновы и Васильевы, — это радость, это гордость наша». И сегодня, когда близится 150-летие Малого театра, вслед за Островским мы могли бы сказать, что театр, давший нашему искусству Александру Яблочкину и Веру Пашенную, Михаила Царева и Михаила Жарова, Игоря Ильинского и Александра Остужева, — это радость и гордость народа.

Малый театр не раз бывал в нашем городе. На днях заканчиваются его очередные гастроли в Ростове, и мне хотелось бы поделиться своими впечатлениями от спектаклей, которые довелось увидеть.

Генрик Ибсен когда-то определил жанр пьесы «Привидения» как семейную хронику. Но это — типичная социальная драма, стоящая в одном ряду с пьесами «Столпы общества», «Доктор Штокман», «Нора» («Кукольный дом»). Благополучный дом фру Елены Альвинг, вдовы капитана и камергера, благополучен только на первый взгляд, и он, подобно дому и личному счастью Норы, может рухнуть в любой момент. Это тоже кукольный дом.

Впрочем, фру Альвинг (народная артистка СССР Е. Гоголева) до поры до времени умеет скрывать свои тревоги. Она появляется перед нами, зрителями, в радостный для нее день приехал сын Освальд, и сегодня он встретится с пастором Мандерсом, знающим семью капитана Альвинга многие годы...

— Какое право мы, люди, имеем на счастье?

С этой бесцеловочной сентенцией обращается пастор (заслуженный артист РСФСР Е. Велихов) и женщины, сделавшей непростительные, с точки зрения религии, шаги в далекие молодые годы. Когда-то Елена Альвинг пыталась уйти от мужа, слышавшего в глазах «общества» неловком безупречной репутации, а на самом деле — распутника, осквернившего жизнь жены.

Кукольные дома умеют хранить семейную тайну. Вот и пастор Мандерс узнал о подлинном лице капитана и камергера слишком поздно. Но это,

в сущности, ничего не меняет: по-прежнему он говорит с фру Альвинг беспощадным прокурорским тоном. По-прежнему пастор обвиняет, а женщина защищается, хотя нападать на это общество, на эту жизнь, сделавшую ее несчастной, должна бы она сама.

Трагедия фру Альвинг в сценическом воплощении Е. Гоголевой страшна еще и тем, что в ней поистине «мертвые хватают живых». Освальд (заслуженный артист РСФСР Н. Подгорный) неизлечимо болен, и в этом виноват почтенный капитан и камергер. Он, Освальд, болен не столько телом, сколько душой. Она у него пуста, и потому он, художник, не может в полную силу творить. Краски жизни для него поблекли, и вот из его уст вырывается крик, полный ужаса и тоски: «Мама, дай мне солнца».

К гастролям Малого театра в Ростове

Но что может сделать для несчастного сына его несчастная мать? Ничего. Солнце никогда не светило для нее, тьма одинаково властвует над той и другой жизнью.

Малый театр всегда умел смеяться. Над кем? Над Русью купцов-толстосумов, над Русью чиновной, над тускнеющим достоинством дворянского сословия. Все эти типы, заслуживающие осмеяния, на многие годы и на разный манер были представлены в пьесах А. Н. Островского. И его традиции живут в стенах Малого театра, живут в спектаклях, поставленных не только по его пьесам, но и по произведениям драматургов, близких Островскому творческим направлением. Одно из таких произведений — «Доктор философии» сербского драматурга Б. Нушича. Пьеса Б. Нушича, разоблачающая людей, верящих в единого бога — в деньги, близка Малому театру пафосом обличения, неприимиримостью авторской позиции.

Деньги рано или поздно делают из слабых людей рабов. И они стали рабами — очень зажиточный житель Белграда Живота Цвийович (заслуженный артист УССР С. Харьченко) и

брат его жены Благое (народный артист СССР В. Владиславский).

На первый взгляд, это парадокс — объединить этих столь разных людей. Герой Владиславского настолько нетвердо стоит на земле, настолько беден и несамостоятелен, что даже походку приобрел каную-то воробышную. Он подпрыгивает, но допрыгнуть до богатого родственника никогда не сумеет. А Живота — вот уж, кажется, хозяин жизни! Он тучен, он здоров, он уверен в себе, как никогда. Но почему же тогда в конце каждого действия он так растерян? Да потому, что деньги дали ему все, кроме душевного спокойствия: его сын Милорад (артист В. Коняев) — доктор философии, но... липовый. В университетском немецком городе под именем его сына учился и преуспел в науках сын бедных родителей. И потому никакие деньги не могут дать Животе настоящей уверенности в завтрашнем дне.

И, наконец, о последнем из трех спектаклей, показанных ростовчанам мастерами Малого театра — комедии Э. Скриба «Стакан воды».

Во времена Бальзака и Мопассана Эжен Скриб, член французской академии, автор четырехсот пьес, возвысил образ энергичного буржуа. Герцен писал о нем: «...Скриб — гений, писатель буржуазии, он ее любит, он любим ею, он прилагался к ее понятиям и ее вкусам так, что сам потерял все другое... Буржуа плачут в театре, тронутые собственной добродетелью, живописанной Скрибом, тронутые конторским героизмом и поэзией прилавка...».

«Стакан воды» — типичная для Скриба пьеса на историческую тему. Он трактует историю как цепь случайностей. Один из персонажей — герцог Болинброк — выступает с теорией «больших последствий малых причин». Но нам в спектакле Малого театра интересна не наивная трактовка исторических событий, а люди, выписанные им мастерски. Люди, которых он рассмотрел столь внимательно, что их характеры со всеми слабостями и сильными сторонами интересны нам и сегодня.

...Итан, состоявшая еще одна встреча с высоким мастерством Малого театра. Оно не тускнеет с годами, переходя от одного актерского поколения к другому и радуя все новые поколения зрителей.

Ю. НЕМИРОВ.